

НИО рукописей Российской Гос. б-ки
Фонд № 765
Никон (Рождественский) Картон № 15
Ед. хран. № 40

Никон
(Рождественский, Николай
Иванович), архиепископ

„На опасной путь. (По поводу нового
„прощения“ А. Булгакова Святейшему Синоду)“

[1913]

Печати.

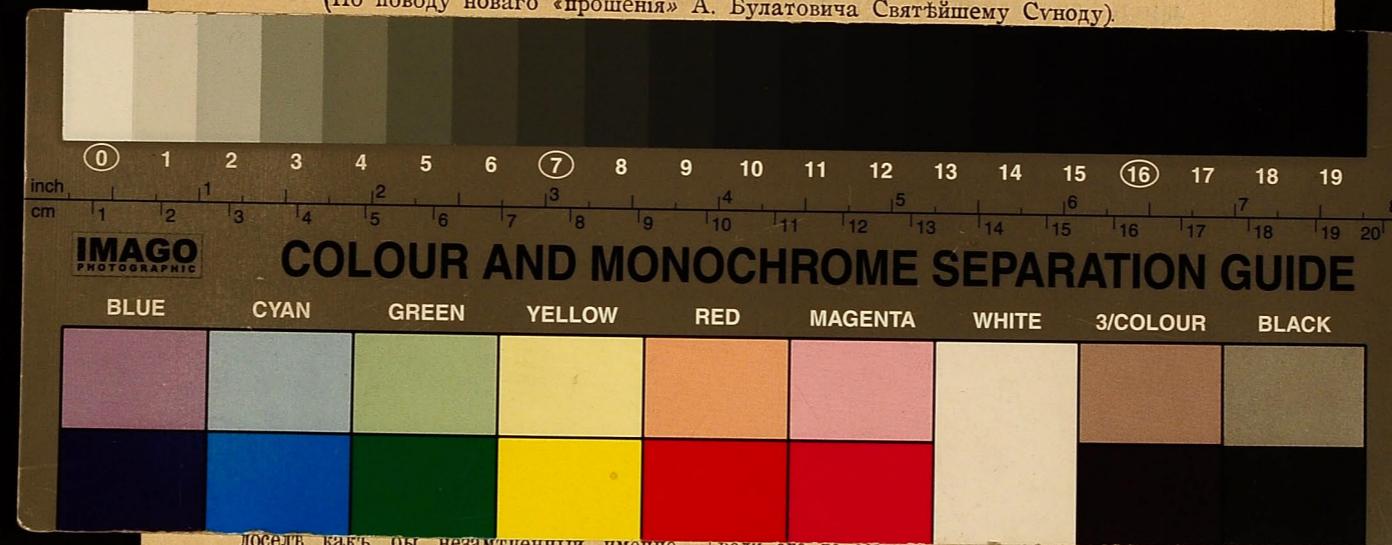
4.0.

М. не разгребано

НИО рукописей Российской Гос. б-ки	Общее кол-во листов
№№ поступлений 68-2002	4

На опасномъ пути.

(По поводу новаго «прошения» А. Булатовича Святѣйшему Синоду).

досель какъ бы незамѣченныи, именно—
что «имя Божие есть Самъ Богъ». А
св. отцы, учителя подвижничества, Иоаннъ
Лѣстничникъ, Варсанофій Великій и дру-
гіе, строго запрещаютъ рядовымъ монахамъ
заниматься изслѣдованіемъ догматовъ, ука-
зываю имъ смиренный путь послушанія
и предоставлія «догматствованіе» еписко-
памъ.

Нынѣ Булатовичъ заявляетъ въ своемъ
«прошении» Святѣйшему Синоду, что «по
одному своему званію схимонаха будучи
всегда готовъ «смириться» (это слово онъ

вели его до сознанія, что онъ неправильно
перевелъ изъ греческой постной тріоди
слово Θεότης словомъ Богъ: для понятія
«Богъ» у грековъ есть специальное слово
Θεός. Мы предложили ему немедленно, тѣ-
перь же, напечатать въ «Колоколъ» или
въ какомъ угодно изданіи, что онъ испра-
вляетъ свою ошибку. На это онъ не согла-
сился, сказавъ, что исправитъ во второмъ
изданіи своей «Апологіи». Правда, онъ
далъ на бумагѣ нѣчто въ родѣ такої по-
правки для представлениія Святѣйшему Си-
ноду, но когда я прочиталъ эту поправку

На опасномъ пути.

(По поводу новаго «прошения» А. Булатовича Святѣйшему Синоду).

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что вождь имябожниковъ А. Булатовичъ не подаетъ надежды къ смиренному сознанію своего заблужденія. Вступивъ на путь самочинного мудрованія, онъ сталъ на почву полемики съ церковною властью, уже вообразивъ себѣ вполнѣ правоспособнымъ богословомъ для такой полемики и для формулированія новыхъ, въ богословской наукѣ еще неизвѣстныхъ, догматовъ. Почва опасная и Церковью неблагословляемая! А что это такъ, что онъ на опасномъ пути, видно изъ того, что вѣдь не можетъ же онъ отказаться отъ заявленія схимонаха Иларіона, что ими открыть «новый догматъ», доселѣ какъ бы незамѣченный, именно что «имя Божіе есть Самъ Богъ». А св. отцы, учители подвижничества, Иоаннъ Лѣствичникъ, Варсанофій Великій и другие, строго запрещаютъ рядовымъ монахамъ заниматься изслѣдованіемъ догматовъ, указывая имъ смиренный путь послушанія и предоставляемъ «догматствованіе» епископамъ.

Нынѣ Булатовичъ заявляетъ въ своемъ «прошении» Святѣйшему Синоду, что «по одному своему званію схимонаха будучи всегда готовъ «смириться» (это слово онъ

почему-то ставить во вносые знаки, что производить странное впечатлѣніе, какъ будто призывать Святѣйшаго Синода къ смиренію по адресу инока носить какой-то специфический характеръ), да и вообще никогда не стыдясь сознать свою ошибку, въ особенности, если эта ошибка можетъ имѣть пагубныя послѣдствія не только для него, но и для многихъ другихъ», онъ «съ радостью готовъ и смириться и отстать отъ заблужденія, но...»

Но прежде, чѣмъ читать его условія, на какихъ онъ «готовъ» смириться, я не могу не напомнить ему нашей бесѣды въ больницѣ, въ Петербургѣ: г. Троицкій и я довели его до сознанія, что онъ неправильно перевелъ изъ греческой постной троиди слово Θεότης словомъ Богъ: для понятія «Богъ» у грековъ есть специальное слово Θεός. Мы предложили ему немедленно, теперь же, напечатать въ «Колоколь» или въ какомъ угодно изданіи, что онъ исправляетъ свою ошибку. На это онъ не согласился, сказавъ, что исправить во второмъ изданіи своей «Апології». Правда, онъ далъ на бумагѣ нѣчто въ родѣ такой поправки для представленія Святѣйшему Синоду, но когда я прочиталъ эту поправку

въ Сунодѣ, то она была признана довольно двусмысленною и недостаточной, да притомъ авторъ все же меня не уполномочилъ ее напечатать. Итакъ: мы вправѣ сомнѣваться и теперь, что онъ дѣйствительно «готовъ» сознаться въ своемъ заблужденіи. Однакоже, какъ его условія покаянія?

«Но, говорить онъ, прежде нежели это сдѣлать, я долженъ знать, въ чемъ должно заключаться сіе «смиреніе» (замѣтите: опять какъ бы иронія — знаки вносыные) и отъ какихъ заблужденій подобаетъ мнѣ отстать?» — «И затѣмъ, на 27 страницахъ въ листѣ (по 62 строки!), въ 9 пунктахъ, разбирается, точно — критикуетъ все посланіе Святѣшаго Сунода, доказывая несправедливость предъявленныхъ ему обвиненій, обвиняя въ свою очередь архіепископа Антонія и меня въ богохульствѣ, повторяя всѣ тѣ подмѣны и искаженія, въ коихъ онъ изобличенъ уже и мною и С. В. Троицкимъ, не обращая ни малѣшаго вниманія на эти изобличенія, какъ будто ихъ и не было, и въ заключеніе категорически заявляя: «судите насть, или совсѣмъ отлучите, но отступаться отъ святоотеческой православной вѣры во имя Божіе — мы не можемъ!» Другими словами: онъ отъ лица своихъ единомышленниковъ заявляетъ, что отступиться отъ лжеученія, признанного и Святѣшимъ Сунодомъ, и двумя Вселенскими патріархами — ересью, они не могутъ, а требуютъ — это само собою подразумѣвается, — чтобы самъ Святѣшій Сунодъ отрекся отъ своего приговора надъ ихъ ересью, призналь насть, архіепископовъ Антонія и Никона, богохульниками, а по-елику Святѣшій Сунодъ, является единомысленнымъ съ нами, то и себя пусть признаетъ погрѣшившимъ, если ужъ не еретицизующимъ... Таково «смиреніе» (вотъ ужъ поистинѣ смиреніе въ вносыхъ знакахъ!) А. Булатовича!

Разбирать всѣ 1600 строкъ сего прошенія значило бы писать цѣлую книгу; а главное, сіи строки представляютъ собой не что иное, какъ пересказъ, повтореніе все-

той же знаменитой «Апології» Булатовича, которая была тщательно разобрана уже и въ докладахъ Святѣшему Суноду, и въ статьяхъ и брошюрахъ нашихъ; авторъ съ спокойной совѣстью повторяетъ, какъ я сейчасъ сказалъ, всѣ свои ошибки, цитируетъ искаженные мѣста изъ св. отцевъ, толкуетъ по своему смысленію тексты изъ Священнаго Писанія, причемъ на каждой почти строкѣ, иногда даже не разъ, пестрѣеть «имя Божіе», такъ что читатель, наконецъ, испытываетъ какой-то тяжелый гипнозъ и бросаетъ чтеніе «прошенія» такъ же, какъ онъ вынужденъ былъ откладывать и чтеніе «Апології»...

Онъ обвиняетъ насть въ нежеланіи понимать его. Въ свою очередь мы въ правѣ обвинять его не только въ нежеланіи понимать насть, но и въ перетолкованіи нашихъ словъ. Напримеръ: совершенно произвольно онъ утверждаетъ, что «подъ выражениемъ «самое имя» въ сунодальномъ посланіи — очевидно (?) подразумѣвается имя-начертаніе и имязвучіе». Но откуда же это — «очевидно»? Посланіе разумѣеть, конечно, не одни звуки, не одни буквы имени, но и мысленное умопредставление, или, какъ говорятъ, идею, все то, что Булатовичъ называетъ тварною оболочкою имени Божія. Впрочемъ, еще можетъ быть Булатовичъ именно идею то и разумѣеть, когда говоритъ объ имени, что оно есть Богъ...

Читая его тезисы, въ коихъ онъ излагаетъ свое мудрованіе, и тѣ пространныя, но весьма туманныя объясненія, какія онъ даетъ въ своемъ «прошеніи», лучше бы сказать — полемическомъ посланіи на имя Святѣшаго Сунода, ясно видишь, что человѣкъ путаетъ понятія, пускается въ область богословія и метафизики, и не зная, какъ выйти изъ этой путаницы, прибѣгаешь къ высоколарнымъ выраженіямъ, смыслъ коихъ едва ли понятенъ и ему самому. Еще въ самомъ началѣ полемики моей съ нимъ писалъ я ему, что прежде всего надобно твердо установить два понятія: что такое «имя» и что такое «Богъ»? Какие при-

знаки сихъ понятій? Въ своемъ отвѣтѣ онъ уклонился отъ определенного отвѣта на эти два вопроса. Уклоняется и теперь. Въ самомъ дѣлѣ: на вопросъ: что такое «имя»? — Въ своемъ «прошеніи» онъ отвѣчаетъ: «Имя Божіе въ самомъ обширномъ и таинственномъ смыслѣ этого слова, понимается во святомъ Писаніи и у св. Отцевъ равнозначущимъ съ именемъ «Слово Божіе», то есть, «имя Божіе» означаетъ «Сынъ Божій».

Хотя это и бездоказательно, и не можетъ быть признано вѣрнымъ, что въ словѣ Божіемъ и у святыхъ Отцевъ подъ именемъ Божіимъ «разумѣется, означается», именно второе лицо Святаго Троицы — Сынъ Божій, согласимся на минуту, что это такъ: но вѣдь во 1-хъ, изъ сего слѣдуетъ, что подъ «именемъ Божіимъ» уже не должно разумѣть первое и третіе лица Святаго Троицы — Отца и Святаго Духа. Иначе выйдетъ само собою заключеніе, что и Отецъ и Святый Духъ — суть Сынъ Божій. Явная нелѣпость! А во 2-хъ и мы говоримъ, что терминомъ имя Божіе мы «означаемъ» Бога, что имя Его есть символъ, или, какъ у грековъ принято говорить — икона Бога. Казалось бы А. Булатовичъ согласенъ съ нами? Отнюдь нѣтъ: онъ говоритъ, что «имя Божіе есть Самъ Богъ». Но что нибудь одно: или имя «есть» Богъ, или же только «означаетъ» Бога: вѣдь это два понятія, отстоящія одно отъ другаго, какъ небо отъ земли.

А. Булатовичъ понимаетъ, что такое определеніе имени Божія, какъ «Сынъ Божій», многихъ не удовлетворить, а потому онъ даетъ еще другое: «имя Божіе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, говорить онъ, означаетъ различныя именованія Божіи, открытые Богомъ человѣку, коими мы именуемъ Бога по богооткровеннымъ свойствамъ Его». Кажется, ясно, что тутъ уже разумѣть надобно имена — слова; да онъ далѣе и самъ говоритъ: «въ этомъ смыслѣ понимаемое имя Божіе равнозначно Глаголамъ Божіимъ, которые таинственно заключаются въ себѣ Духъ и Жизнь, то есть, Божественную дѣятельность Божества, которая, будучи растворена върою воспринимающихъ сіи Глаголы, освящаетъ ихъ и просвѣщаетъ ко спасенію и причащаетъ Божеству».

Дѣйствительно, тутъ что-то «тайновѣтно». Прежде всего почему то Булатовичъ всѣ эти слова: «Глаголы, Духъ, Жизнь», пишетъ съ прописныхъ буквъ: значитъ, надо въ эти слова влагать какой-то особый таинственный смыслъ, ибо вѣдь это — не собственныя имена, чтобы писать ихъ съ большой буквы. Во вторыхъ, какъ понимать, что сіи «именованія Божія», сіи «Глаголы Божіи» причащаются нась Божеству? А Булатовичъ еще прибавляетъ: «въ семъ смыслѣ мы имѣемъ право называть имя Божіе Богомъ, ибо въ немъ (въ имени, конечно?) мы восприемлемъ Божество Божественной энергіи, а въ сей энергіи Божества непостижимо и недомыслимо вселяемъ (сами?) въ себя Самаго Бога». Что же это такое? новое ученіе о причащеніи посредствомъ имени Божія? Не въ этомъ ли разгадка, почему слова: «Глаголы», «Жизнь», «Духъ», пишутся съ большой буквы? Не потому ли мнѣ еще на Аeonѣ имѣбожники заявили, что если у нихъ не будетъ іерархіи, не будетъ совершилѣй таинствъ, то они будутъ причащаться именемъ Божіимъ? Сколько известно, вѣдь и молокане проповѣдуютъ духовное причащеніе и крещеніе словомъ Божіимъ. Православно ли это? Мы знаемъ ученіе о посѣщеніи достойныхъ благодатию Божіей чрезъ молитву, исполненіе заповѣдей Божіихъ, а наипаче чрезъ таинства Церкви, изъ коихъ только одно дѣлаетъ насть причастниками Божества Христова — святая Евхаристія; но во всѣхъ 8-ми «положеніяхъ», или исповѣдуемыхъ Булатовичемъ тезисахъ, ни разу не упомянуто слово «благодать», столь обычное въ церковномъ языке, когда идетъ рѣчь объ отношеніяхъ между Богомъ и спасаемымъ человѣкомъ. По его мудрованію имени Божіи, оболочкою коихъ служать слова, воспринимаются върою и причащаются воспринимающаго Божеству, ибо «произносящи ихъ вселяютъ въ себя

Самого Бога». Логическое ударение ставится не на словѣ «благодать», которое какъ будто намѣренно избѣгается, а опять-таки на «имени Божіемъ», которое, по словамъ Булатовича, «въ строго догматическомъ смыслѣ, въ смыслѣ Божественного откровенія есть энергія Божества и Божество». «Имя Божіе, говоритъ онъ далѣе, есть Божественная сила, Господственное (опять большая буква) дѣйствующая. Имя Божіе въ Богѣ и Богъ въ имени Своемъ».

Итакъ, въ нѣсколькихъ строкахъ читаемъ: имя Божіе есть Сынъ Божій. Имя Божіе есть сила Божія. Имя Божіе есть энергія Божества, есть дѣятельность Божества. Имя Божіе—глаголы Божіи, именование Божіи, открытые Богомъ человѣку... Кромѣ первого определенія, («Сынъ Божій»,) которое не можетъ быть признано вѣрнымъ, ибо очевидно смѣшиваетъ совершенно различныхъ понятія: Слово—Лѣтоси—имя—буква—идетъ рядъ отвлеченныхъ понятій: «сила, энергія, дѣятельность, именование, глаголы»... И все это—Богъ! Пусть специалисты по богословію разберутся въ этой путаницѣ, смѣшении понятій. Булатовичъ какъ будто боится сознаться, что въ сущности обожаетъ звуки и идеи, однако же, когда говорить объ имени «Іисусъ», что «оно есть самое совершенное наименование Сына Божія, имѣющее величайший сокровенный смыслъ», то неизбѣжно вѣдь говорить о звукахъ, ибо какъ же безъ звуковъ именовать какое бы то ни было имя?.. Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «приписываетъ Божественные свойства не тѣмъ буквамъ, которыми условно выражается Божественная истина, но лишь самому слову истины». Но что же это за «слово истины?» Въ чемъ онъ полагаетъ самую сущность имени? Конечно, говоритъ онъ, буквы и звуки суть условные знаки, разные на разныхъ языкахъ, но та истина, которая сими буквами и звуками выражается на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ выраженияхъ, всегда одна и та же и сія истина есть происхожденіе Божественного, всегда

пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ ней пребываетъ. Вотъ что называемъ мы «именемъ Божіимъ», отличая имя отъ имена-чертанія и имезвучія.—Что вы, авторъ «просшенія», отличаете свое понятіе обѣ имени отъ имена-чертанія и имезвучія—это понятіе; но все же остается непонятнымъ: что такое по вашему ученію «имя» въ своей сущности? Дѣло въ томъ, что слово «имя» имѣть такое свойство по своей логической природѣ, что требуетъ непремѣнно звукового сочетанія, дабы отмѣтить тотъ или другой предметъ для нашего мышленія, и если отнять отъ имени звуки, то остается только предметъ, ими означаемый, или умопредставленіе о немъ, но уже темное, обычно мыслимое посредствомъ звукового сочетанія. Самую «идею» трудно мыслить безъ звукового имени, хотя бы это имя и не было произносимо устами: таковъ законъ нашего мышленія. Но что это за «слово истины?» Когда мы дѣляемъ предположеніе, что вы имя Божіе отожествляете съ Самымъ Существомъ Божіимъ, вы говорите: «Имя «Іисусъ» по самому существу своему есть Самъ Богъ, но не есть оно Самая неименуемая Сущность Божія—прочь такое хуленіе,—но оно есть истина единой сущиной Тріпостасной Истины». Значить, имя, по вашему, по самому существу своему есть Самъ Богъ, но въ то же время оно—не есть Сущность Божія. Значить, оно есть нѣчто отличное отъ Бога. Значить, оно не есть Богъ. Такъ требуетъ неумолимый законъ логики. А если такъ, то что же это за «нѣчто», которое вы исповѣдаете Богомъ? Что это за «объективное бытіе», въ которомъ, «по неотдѣлимости дѣятельности Божіей отъ Существа Его, Самъ всемогущій и вседѣшущій Богъ, Сама всесовершенная Личность со всѣми Своими свойствами», но опять-таки—безъ Существа Божія, ибо вы говорите и это подчеркиваете, что «имя не есть самая Сущность Божества?».. «Имя Божіе, говорите вы, есть непрестающее свѣтоизліяніе Божества, озаряющее человѣка Боговѣданіемъ, кото-

рое неизмѣнно всегда существуетъ само въ себѣ и въ Церкви съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Церковь Ангеловъ и человѣковъ». Но тогда—причемъ же тутъ самое слово—«имя»? Вѣдь говоримъ же мы, что Господь есть *свѣтъ* истинный, просвѣщающій всякаго человѣка? Съ равнымъ правомъ можно бы при этомъ назвать и другое свойство Божіе, напримѣръ,—премудрость Божію, а вамъ почему-то нужно именно—«имя»?.. Вы признаете бытіе имени—именно «имени», даже объективно какъ свѣтъ Божества, какъ всегда Божество... Вы говорите, что «объективно истина Божія, выражаемая (словесно) именемъ Божіимъ, есть Самъ Богъ. Но Богъ есть всесовершенная Личность, слѣдовательно, по вашему истина Божія, выражаемая въ имени Божіемъ, есть личность? Но сія истина, говорите вы, только выражается въ имени, слѣдовательно, самое-то имя уже не есть Богъ? «Имя Божіе, говорить имѣбожники, есть энергія Божества». Замѣтимъ: лучше сказать: энергія Божія, а не энергія Божества. Это необходимо для того, чтобы въ наше время, когда естественные науки такъ много говорятъ о разныхъ энергіяхъ, не вѣять въ мысли читателя представление о Самомъ Богѣ, какъ бы источающимъ energiю изъ себя подобно нѣкоторымъ физическимъ тѣламъ, источающимъ изъ себя эманацію непроизвольно. И такъ, по вашему, имя—энергія. Но что есть энергія? Это—свойства Божіи: всемогущество, премудрость и благость въ ихъ дѣйствії. Въ этомъ смыслѣ энергія Божія сотворила міръ. Въ этомъ смыслѣ, перенося понятіе дѣйствія на Дѣятеля-Творца, должно сказать: Богъ сотворилъ міръ. Въ этомъ смыслѣ и energiю Божію можно называть Богомъ. Но что такое имя? Допустимъ, что оно—плодъ дѣйствія энергіи Божіей въ духѣ человѣка. Но вѣдь и міръ—плодъ дѣйствія той же энергіи. Слѣдовательно, имя есть нѣчто тварное. Богъ вложилъ въ духѣ человѣка сѣмя, инстинктъ, потребность, идею вѣры. Это уже твореніе

Божіе. Духъ человѣка данными ему способностями образовалъ «имя», отмѣтилъ въ своемъ мышленіи это сѣмя вѣры нѣкимъ знакомъ, символомъ необходимымъ для его мышленія. Это уже не energiя Бога, а лишь послѣдствіе первоначального воздѣйствія Божіей energiи въ духѣ человѣка. Но даже если бы Богъ Самъ, безъ содѣйствія духа человѣческаго, вложилъ въ духъ сей totъ мысленный знакъ, умопредставленіе о Себѣ, что именуется именемъ Божіимъ, все же это было бы только твореніемъ Божіимъ, но не Богомъ. Но св. отцы ясно учатъ, что имя Божіе «измыщено» самимъ человѣкомъ. Поэтому уже никакъ нельзя называть имя Божіе «энергіей Божества». Во всякомъ случаѣ имя есть нѣчто тварное, а не Самъ Богъ.

Говорятъ: «истина», а не звуки, не умопредставленіе есть имя. Но тогда и слово «имя» уже не должно употреблять: оно не избѣжно требуетъ того или иного мысленного знака, символа, выражаемаго въ словѣ. Вотъ почему отнюдь нельзя допускать такого смѣшения понятій, какое допускаютъ имѣбожники.

Но я утомляю читателя, вода его по лабиринту мудрованій имѣбожника. Чтобы выйти изъ этого лабиринта, попытайтесь установить нѣкоторыя необходимыя понятія болѣе определенно.

У грековъ есть два слова, коимъ въ русскомъ языке соотвѣтствуютъ три. Греческое слово Θεός соотвѣтствуетъ русскому—*Богъ*. А слово того же корня Θεότης—русскимъ—*Божество и Божественность*. Первое слово заключаетъ въ себѣ понятіе по преимуществу личности, второе качественности. Русскія слова *божество* и *божественность* имѣютъ свои оттѣнки: слово *божество* можетъ быть употребляемо и въ смыслѣ личности—«Богъ», но большою частью въ примененіи къ языческимъ богамъ, и въ смыслѣ качественного понятія: Божество Христово—природа Божественная. А слово *Божественность*—только въ смыслѣ качества и относительности: Божественныя

свойства: премудрость, благость и пр. и Божие промышление, а затмъ—святость предмета: имена Божии, Богу принадлежащія, Ему единому свойственные, приличествующія—божественны.

Имѣожники, не зная греческаго языка, не умѣли какъ слѣдуетъ разобраться въ этихъ оттѣнкахъ понятій и перепутали ихъ. Такъ напримѣръ, въ подлинномъ греческомъ текстѣ о дѣйствіи Божиемъ (объ энергії) употреблено слово Θεότης—божественность, они перевели какъ слово Θεός—Богъ и получилось ученіе, что самая дѣятельность Божія есть Богъ, какъ личность, какъ «Самъ Богъ». А такъ какъ они имена Божіи считаютъ «энергіей» Божіей, (въ чёмъ и есть ихъ главное заблужденіе), то понятно, по ихъ понятіямъ и выходитъ что они—Богъ, Самъ Богъ. Имена Божіи, какъ иконы, конечно, суть святыни; ихъ должно называть Божественными, какъ мы и называемъ; но для имѣожниковъ этого мало: они называютъ настъ имѣорпцами, какъ будто мы отвергаемъ сіи имена, отрекаемся отъ нихъ...

Но Булатовичъ,—страшно сказать,—дерзаетъ клеветать на самого апостола Павла, будто онъ разные виды дѣятельности Божества именуетъ Богомъ: «Прочтите, пишеть онъ, главу 12-ю 1-го посланія къ Корнейянамъ, въ которой говорится о разныхъ видахъ дѣятельности Божества,—въ ней сія дѣятельность именуется «той же Богъ» или иначе сказатъ: «Тотъ же Самый Богъ», или, какъ мы (имѣожники) говоримъ—«Самъ Богъ». Читатель съ изумленіемъ останавливается на такомъ толкованіи, но Булатовичъ, никако не смущаясь, продолжаетъ выписку, вставляя по своему обычай въ нее свои толкованія: «Раздѣленіе же дарованій суть (то есть благодатныхъ дарованій Божіихъ), а Той же Духъ; и раздѣленіе служеній (то есть даровъ служенія Богу), а Той же Господь; и раздѣленіе дѣйствій (или различныхъ видовъ Энергіи Божества, поясняетъ Булатовичъ), а Той же есть Богъ, дѣй-

ствій вся во всѣхъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же Духъ, раздѣляя властью коемуждо, яко же хощетъ.—Итакъ, какое свидѣтельство, воскликаетъ Булатовичъ непреложнѣе этого можетъ дать намъ право называть Энергію Божественной Истины въ Именахъ и Глаголахъ Божіихъ—«Самимъ Богомъ», то есть, Тѣмъ же Самимъ Богомъ, Который неотдѣлимъ отъ Энергіи Своей, Который есть препростый Духъ и въ Которомъ нѣть ничего ни неодушевленнаго, ни отвлеченнаго, ни вещественнаго, но Который есть и вesseсовершенная Личность Богъ и въ Которомъ все есть лично, ибо препросто и прѣисно соединено съ Сущностью Его».

Это торжествующее воскликаніе вызываетъ только крайнее недоумѣніе... Ужели Булатовичъ настолько невѣжественъ въ славянскомъ языке, что не можетъ разобраться въ священномъ текстѣ, гдѣ подлежащее и гдѣ сказуемое? Всякій видить, что слова: «Той же Богъ» не есть сказуемое къ подлежащему «дѣйствія», а все это выражение Апостола есть самостоятельное предложеніе, въ которомъ подлежащее—«Богъ», а сказуемое—«одинъ и тотъ же». Если встрѣтилось недоразумѣніе, то Булатовичъ могъ бы прочитать въ русскомъ переводѣ тотъ же текстъ, и тогда для него ясно стало бы, что тутъ и намека нѣть на то, будто Апостолъ называетъ дѣйствія Божіи Самимъ Богомъ. И не было бы повода съ такимъ пафосомъ воскликать: «какое свидѣтельство непреложнѣе» и проч. Теперь же мы въ правѣ видѣть въ этомъ случаѣ свидѣтельство только—или невѣжства, или же недобросовѣтности Булатовича... Можно даже думать, что онъ нарочно приводить это мѣсто изъ Апостола Павла по-славянски: исконная темнота славянской рѣчи даетъ ему удобство прикрыть свое неправое мудрованіе. Вѣдь то же самое онъ дѣлаетъ и съ выписками изъ святыхъ отцевъ, приводя славянский текстъ вмѣсто русскаго.

Я сказалъ, что Булатовичъ смысла понятія: Богъ Божество, Божественность. Онъ

также смысла и понятія: свойство, качество, сила, дѣйствіе, имя. Ясно и что понятіе благодати онъ подводить подъ ту же категорію. Для него, въ его мышленіи, существуетъ только двѣ категоріи, безъ всякихъ подраздѣлений: Творецъ и твореніе, Богъ и тварное бытіе. Все, что нетварное бытіе—есть Самъ Богъ. Поэтому всѣ свойства Божіи, дѣйствія, силу, благодать онъ относить къ понятію Богъ: «энергія Божія—Самъ Богъ, имя Божіе—Самъ Богъ». Мало того: уже не мысль, не смыслъ но самыя слова, «оболочка мысли», по выражению Булатовича—«Евангелие, сіе слово Воплощеніаго и дѣйствія Его, въ немъ описаныя,—суть Самъ Онь Богъ слово». Полагается Евангелие, т. е. слова Іисусовы, которыя и суть Самъ Богъ». «Всякое слово молитвы есть Богъ, а имя Божіе тѣмъ болѣе—Богъ». Это «тѣмъ болѣе» показываетъ, что у имѣожниковъ есть и—«тѣмъ менѣе» Богъ. Это—ужъ простите— отзыкается чѣмъ-то хлыстовскимъ... Только въ хлыстовщинѣ понятіе о Богѣ употребляется въ степеняхъ сравненія: болѣе Богъ, менѣе Богъ... Такъ постепенно, незамѣтно для самихъ себя, имѣожники переносили понятія изъ области тварного—въ область понятія о Богѣ, смысливали «божественное» съ «Богомъ», и пришли къ обожанію именъ Божіихъ, вопреки ученію святыхъ отцевъ, признавая имена дѣйствіями Божіими вмѣсто того, чтобы почитать ихъ только «божественными». Это смыщеніе понятій: «Богъ» и «Божественность» и стала камнемъ претыканія для малосвѣдущихъ въ тонкостяхъ святоотеческаго богословія мо-

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе—въ моемъ первомъ докладѣ Святѣшему Синоду. «Церк. Вѣдом.», 1913 г. № 20.

